

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-46-63

EDN: GBLBSE

Особенности международной студенческой миграции из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию (на примере Северного (Арктического) федерального университета, 2009–2024)*

П.С. Голомидова

Северный (Арктический) федеральный университет,
наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

(e-mail: p.s.golomidova@yandex.ru)

Аннотация. На примере потока студенческой миграции из Узбекистана в Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ, Архангельск) в 2009–2024 годы в статье обозначены особенности формирования и развития региональных миграционных потоков. Автор уделяет особое внимание переходу от фазы инициации потока к этапу его самоподдержки и выявлению роли таких институтов, как миграционные сети и миграционная индустрия. Статья основана на статистических данных приема иностранных студентов в САФУ, анкетном опросе и полуформализованных интервью с гражданами Узбекистана — студентами университета, экспертных интервью с представителями миграционной индустрии и включенном наблюдении в рамках профессиональной деятельности автора. В результате выделены четыре этапа в развитии потока региональной студенческой миграции, не однородных по объему и социальной организации. Миграционная индустрия играла ключевую роль в обеспечении миграционного прироста с 2013 по 2017 годы, а 2020–2021 годы он в большей степени обеспечивался миграционными сетями, что подтверждается его устойчивостью в условиях частичной дисфункции сложившихся ранее механизмов миграционной индустрии (пандемия) и развитием региональных субпотоков из Наманганской и Ташкентской областей. Важную роль в развитии миграционных сетей сыграли студенты, которые успешно прошли адаптационные процессы, накопили социальный капитал в принимающем сообществе и сохранили социальные связи в отправляющем сообществе, тем самым способствуя поступлению в САФУ своих соотечественников. Применяя концепцию Х. де Хааса о внутренней динамике миграционных потоков к студенческой миграции, автор выдвигает гипотезу, что комплексная деятельность университета по встраиванию в миграционную индустрию, включая меры поддержки иностранных студентов, является необходимой предпосылкой для успешной адаптации академических мигрантов, что способствует развитию механизмов сетевой миграции.

Ключевые слова: экспорт высшего образования; набор иностранных студентов; международная образовательная миграция; высшее образование; интернационализация; Россия и Узбекистан

*© Голомидова П.С., 2025

Статья поступила в редакцию 10.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: Голомидова П.С. Особенности международной студенческой миграции из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию (на примере Северного (Арктического) федерального университета, 2009–2024) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 46–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-46-63>

Приток иностранных студентов в Российскую Федерацию на протяжении более десяти лет выступает одним из приоритетов развития страны, что подтверждается закреплением вопросов, связанных с экспортом российского высшего образования, в документах стратегического планирования. Указом Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» было предусмотрено увеличение не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях» (1). Задачи по увеличению контингента иностранных студентов до 500 тысяч поставлены и в Указе Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (2). Продвижению российского образования и обучению иностранных граждан уделяется внимание в Стратегии национальной безопасности (3), Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (4), инициативе Правительства «Россия — привлекательная для учебы и работы страна» (5).

По данным Минобрнауки России, по итогам 2022 года по числу обучающихся иностранных студентов страна занимала шестую позицию среди мировых лидеров экспорта высшего образования с 351,1 тысячами иностранных студентов (6). Важное место в формировании потоков образовательной миграции в Россию занимают страны СНГ: в 2020 году они обеспечивали 72,4 % контингента иностранных студентов в российских университетах [23. С. 551]. Доля стран Центральной Азии (Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана) в общей численности студентов из СНГ составляла более 80 % (в 2018/2019 академическом году) [23. С. 550]. Все страны Центральной Азии находятся на восходящем тренде исходящей академической мобильности (7) и имеют потенциал к росту потоков студенческой миграции, а их трансформации оказывают заметное влияние на российский экспорт образования. Таким образом, изучение механизмов и движущих сил студенческой миграции из стран Центральной Азии необходимо для прогнозирования и продвижения российского образования с точки зрения государственной политики и стратегий отдельных университетов.

Основная часть исследований студенческой (и — шире — молодежной) миграции из Центральной Азии в Россию фокусируется на распределении ее потоков и государственной политике [1–4; 11; 13], причинах миграции и миграционных установках иностранных студентов [5; 9; 10; 17; 22], социокультурной адаптации обучающихся [6–8; 12; 18; 21], практиках россий-

ских университетов по привлечению абитуриентов из других стран [15; 16]. В рамках изучения международной студенческой миграции остается ряд нерешенных проблем: несмотря на то, что ключевые ее аспекты (причины и последствия для отправляющего и принимающего сообществ, адаптация и интеграция студентов) хорошо изучены в различных региональных и национальных контекстах, остается не ясным, как формируются и развиваются региональные миграционные потоки (направленные из одного региона/страны в другой зарубежный регион, город или университет) с учетом комплекса факторов, действующих на макро- и мезоуровне. Проведенные ранее исследования, в частности студенческого потока из Казахстана в Россию [19], не проясняют количественные и качественные изменения в потоках студенческой миграции на протяжении длительного времени, а также факторы, которые обеспечивают эту динамику. Важная задача — концептуализация перехода от фазы инициации потока к этапу, когда он становится самоподдерживающимся в соответствии с теорией миграционной сети Д. Мэсси. Кроме того, в научной литературе по международной студенческой миграции отсутствует опыт комплексного изучения двух ключевых взаимодействующих факторов: миграционных сетей [28] и миграционной индустрии [24; 25; 27].

Наше исследование нацелено на выявление факторов формирования и развития регионального потока международной студенческой миграции из Республики Узбекистан в Российскую Федерацию на примере Северного (Арктического) федерального университета: студенты из Узбекистана формируют наибольшую группу иностранных обучающихся в САФУ (29,5% общего контингента в 2024 году; ежегодный прием — более 100 человек с 2009 года). Несмотря на то, что решение об образовательной миграции принимает абитуриент и его семья (микроуровень), региональный поток студенческой миграции является производной взаимодействия множества социальных институтов, и на мезоуровне ключевые из них — миграционная индустрия (совокупность акторов и сервисов, которые обеспечивают международные перемещения, устройство и адаптацию, а также коммуникацию и трансфер ресурсов мигрантов и их семей) [27. С. 24–25], одним из главных акторов которой являются университеты, и миграционные сети (личные связи между академическими мигрантами, бывшими мигрантами и немигрантами в отправляющем и принимающем регионах) [28].

Для оценки динамики потока международной студенческой миграции из Узбекистана в САФУ была использована концепция внутренней динамики миграционных процессов Х. Де Хааса [26]. Базируясь на теории диффузии Э. Роджерса, де Хаас объясняет развитие миграционных процессов, выделяя пять групп мигрантов на временной шкале: инноваторы (первые мигранты), ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство и отстающие. За инноваторами может последовать ограниченная цепная миграция из числа семьи и друзей, но на первых этапах высок риск затухания мигра-

ции. Близкородственные и дружеские связи играют ключевую роль на первоначальном этапе цепной миграции, но с распространением миграции в сообществе роль семейных сетей начинает снижаться, а сети (или слабые связи) становятся более значимыми. Выгодные сетевые эффекты проявляются, когда сообщество мигрантов становится достаточно большим для решения возникающих социально-экономических вопросов и снижения стресса от культурной адаптации.

Для анализа социально-экономических макрофакторов, оказывающих влияние на миграционные потоки, был проведен анализ статистических данных Минобрнауки и его Центра социологических исследований (Социоцентр), Института статистики ЮНЕСКО и Межгосударственного статистического комитета СНГ, а также приемных кампаний САФУ. Для выявления факторов мезо- и микроуровня был проведен анкетный опрос методом основного массива с использованием системы Lime Survey. Выборку составили граждане Узбекистана — студенты очной формы обучения (май 2018 и май 2021; $n=342$). Полуформализованные интервью со студентами и выпускниками из Узбекистана ($n=10$) позволили выявить факторы и личные обстоятельства, повлиявшие на решение получать высшее образование в России, определить степень удовлетворенности и зафиксировать видение дальнейшей образовательной и профессиональной траектории. Экспертные интервью с координаторами международного образовательного сотрудничества в странах Центральной Азии ($n=5$) помогли выявить акторов миграционной индустрии, лучшие практики взаимодействия и выхода в образовательное пространство Центральной Азии вузов России, движущие силы потоков студенческой миграции. Включенное наблюдение в качестве начальника отдела рекрутинга управления международного сотрудничества САФУ позволило получать информацию в режиме реального времени на макроуровне (например, изменения в государственных подходах к международной академической миграции в России и Узбекистане, трансформации во время пандемии) и микроуровне (принятие решений конкретными абитуриентом и их семьями). Непосредственное взаимодействие с акторами миграционной индустрии (в рамках официальных мероприятий на уровне профильных ведомств в Узбекистане, деловых встреч с представителями Россотрудничества, руководством системы образования регионов, университетов и школ) в период с 2013 по 2024 года помогло сформировать видение миграционной индустрии и ее трансформаций во времени, ее акторах и характере взаимодействия между ними, роли индустрии в формировании устойчивых потоков студенческой миграции и региональных студенческих субпотоков.

Итак, с 2000-х годов Республика Узбекистан характеризуется восходящим трендом исходящей студенческой миграции. Число студентов из Узбекистана, выезжающих за рубеж для получения высшего образования, согласно Институту статистики ЮНЕСКО, с 2013 года увеличилось в 7,4 раза

(рисунок 1), достигнув к 2022 году 150,5 тысяч человек. Наряду с Россией лидерами по экспорту высшего образования в Узбекистан являются Кыргызстан, Казахстан, Республика Корея, Латвия, Турция, Украина, Беларусь, Германия, Япония, Польша, США, Великобритания, Малайзия и Чехия (9).

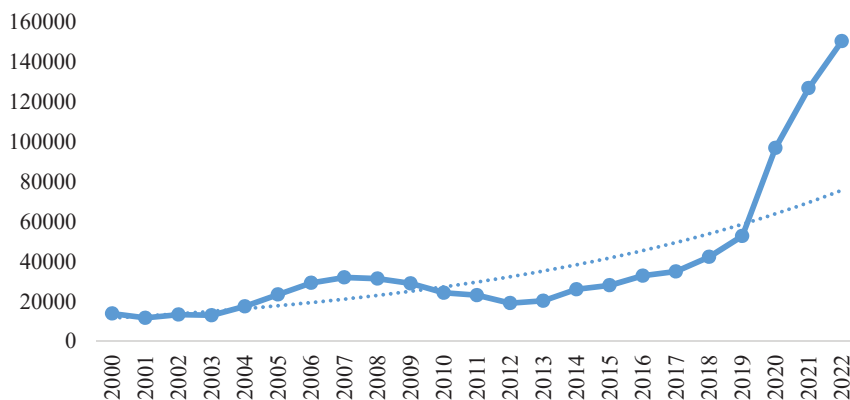

Рис. 1. Динамика международной студенческой миграции из Узбекистана, 2000–2022 (8)

Студенческая миграция из Узбекистана в Россию с 2013 по 2022 годы росла высокими темпами: общее число узбекистанских студентов в российских вузах увеличилось в 4,7 раза и достигло 56 тысяч человек (рисунок 2).

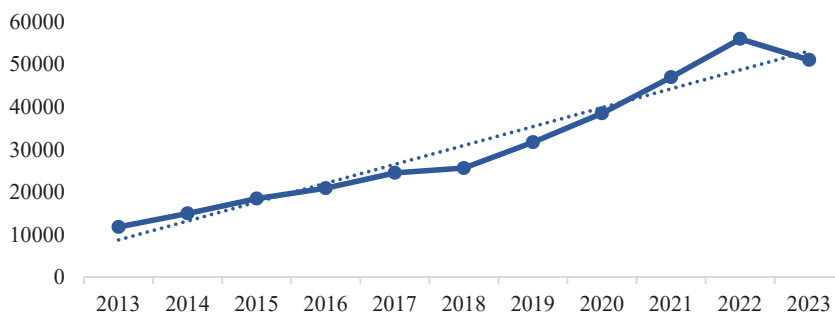

Рис. 2. Динамика студенческой миграции из Узбекистана в Россию (рассчитано по отчетам вузов России по форме № ВПО-1 на сайте Минобрнауки)

В изучаемый период сохранялись ключевые факторы, способствующие студенческой миграции на макроуровне: демографическая ситуация в Узбекистане, наличие миграционного потока в Россию, широкие возможности получения высшего образования в России для узбекистанцев, в том числе со стипендиальной поддержкой, сравнительно высокий уровень владения ими русским языком, а также благоприятное развитие российско-узбекистанских отношений. Вместе с тем с 2022 года изменения в государственной политике обоих государств, а также рост геополитической напряженности, видимо,

определили снижение ежегодного приема узбекистанских студентов в российские вузы на 25 % — до 14,3 тысяч человека в 2023 году (бакалавриат, специалитет и магистратура) (рисунок 3).

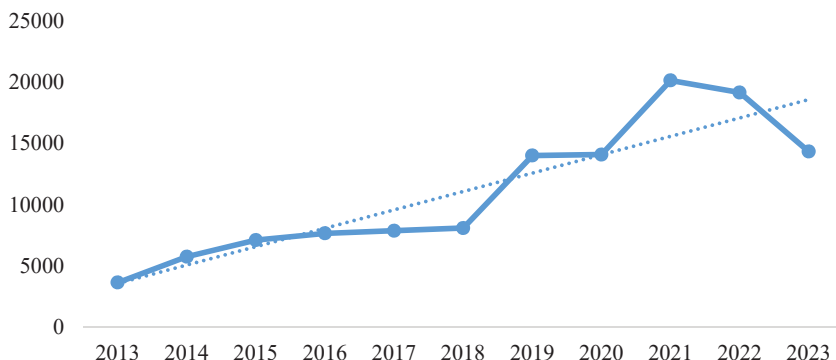

Рис. 3. Динамика приема студентов из Узбекистана в российские вузы (рассчитано по отчетам вузов России по форме № ВПО-1 на сайте Минобрнауки)

Студенческий поток из Узбекистана в САФУ также характеризуется восходящей динамикой (2009–2024), достиг своего промежуточного пика в 2020 году, после чего зафиксировался на уровне приема 120–130 студентов ежегодно (рисунок 4), что в целом соответствует общероссийской ситуации.

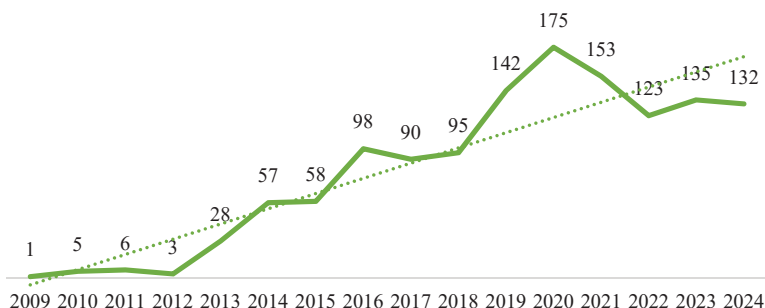

Рис. 4. Динамика приема студентов из Узбекистана в САФУ (2010–2024)

Результаты исследования показывают, что по критериям объема студенческого потока, а также его движущих сил можно выделить четыре этапа его развития. *Первый этап (2009–2012)* — период ограниченного приема (до 6 человек ежегодно) с ведущей ролью государственных структур: студенты из Узбекистана направлялись в САФУ преимущественно в рамках установленной Правительством России квоты на обучение иностранных граждан. Отбор осуществлял Государственный центр тестирования при Кабинете министров Республики Узбекистан. Кандидатов на квоту Правительства России из числа российских соотечественников, прожива-

ющих за рубежом, отбирали по согласованию с МИД России Посольство России и Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан с участием организаций соотечественников [14. С. 171]. Роль вузов сводилась к определению направлений подготовки, по которым университет готов был принять иностранных студентов. Прямое взаимодействие вуза с абитуриентом было минимизировано (рисунок 5), что подтверждается интервью с выпускником САФУ из Узбекистана. Респондент выбирал вуз из предложенного Министерством перечня вузов: «Возможностей было много по моему направлению: был Санкт-Петербург, Тюмень и Архангельск. И меня почему-то потянуло именно сюда, в Архангельск... Интернет тогда не особо был развитый. Лично у меня ни компьютера, ни телефона тогда не было... Я доверился судьбе».

Рис. 5. Миграционная индустрия в Республике Узбекистан (2011–2013)

На втором этапе (2013–2019) отмечен активный рост студенческого миграционного потока с ведущей ролью университета, который активно выстраивал взаимодействие с акторами миграционной индустрии Узбекистана и развивал механизмы поддержки образовательной миграции в САФУ (2013 — 28 человек принято на обучение, 2014 — 57, 2019 — 142). Важнейшей составляющей данного этапа стало выстраивание взаимодействия с Представительством Россотрудничества в Республике Узбекистан — главной «точкой» входа в образовательное пространство Узбекистана на данном этапе (рисунок 6). Информационная и организационная функция государственных акторов миграционной индустрии, в частности Представительства Россотрудничества, была системообразующей для формирования потока, что подтверждается как включенным наблюдением, так и анкетным опросом студентов: 64 % студентов из Узбекистана, поступивших в САФУ в период с 2013 по 2017 годы, назвали Представительство Россотрудничества в качестве основного источника информации при выборе вуза (таблица 1).

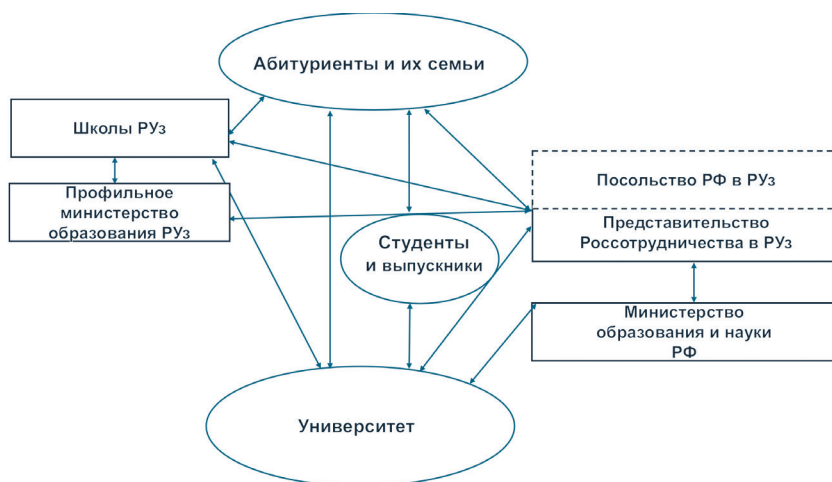

Рис. 6. Схема миграционной индустрии, обеспечивавшей студенческий поток из Республики Узбекистан в САФУ (2013–2019)

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Откуда Вы получили информацию о САФУ,
когда определялись с выбором вуза?»**

Варианты ответа/ группировка источников информации	Опрос 2018 года (поступившие в 2013–2017)	Опрос 2021 года (поступившие в 2018–2020)
1. Источники информации, связанные с миграционной сетью студентов	51,65 %	73,56 %
Ваши друзья, обучающиеся в САФУ	39,01 %	53,85 %
Родители или родственники	9,89 %	13,94 %
Преподаватели или администрация образовательного учреждения	2,75 %	5,77 %
2. Источники информации миграционной индустрии	80,22 %	61,54 %
Представительство Россотрудничества/ Посольство России	64,29 %	42,31 %
Международная образовательная выставка	10,44 %	9,62 %
Специализированные сайты по образованию за рубежом	5,49 %	9,62 %
3. Источники информации университета	51,1 %	44,71 %
Презентация САФУ в образовательном учреждении	16,48 %	10,1 %
Сайт Университета	26,92 %	26,44 %
Новые социальные медиа и социальные сети	7,69 %	8,17 %
Другое	1,1 %	0

На рост студенческого потока также оказало значимое влияние развитие системы привлечения иностранных студентов. После очных консультаций в Ташкенте коммуникация с будущими студентами выстраивалась через все доступные каналы. С развитием IT-технологий консультирование абитуриентов проводилось в социальных сетях, мессенджерах, посредством IP-телефонии: «Очень была связь хорошая, хочу отметить. У меня было очень много вопросов, мне своевременно, оперативно отвечали. Я знаю, что я такая не одна была, но здорово, что все равно связь оперативно поддерживалась»; «Когда я писала в другие университеты, они мне долго отвечали, а в САФУ мне в этот же день отвечали максимально вежливо и очень информативно». Первоначальный резкий рост числа первокурсников-узбекистанцев совпадает с личным участием представителей САФУ в очных мероприятиях, проводимых в Республике, и их частотой (рисунок 7). С 2015 по 2018 годы число очных выездов снижается до единоразовых визитов, что совпадает со снижением темпов прироста студенческого потока, т.е. присутствие университета в Узбекистане обеспечивало взаимодействие с Представительством Россотрудничества, образовательными организациями, а также абитуриентами и их семьями. Данный канал коммуникации был крайне важен на первоначальном этапе выхода на образовательный рынок Узбекистана, когда в САФУ обучалось сравнительно небольшое число студентов-узбекистанцев.

Рис. 7. Динамика приема студентов из Узбекистана в САФУ и выездных мероприятий САФУ в Республике (2009–2024)

Третий этап (2020–2021) — пик студенческого потока при возросшей роли миграционных сетей как его формирующей силы на фоне нарушения механизмов миграционной индустрии. На макроуровне в период с 2011 по 2022 годы сохранялись преимущественно благоприятные условия для студенческой миграции из Узбекистана в Россию, за исключением двух сильных макрофакторов: глобальной пандемии (2020–2021) и изменений в системе высшего образования Узбекистана (развитие сети представительств и фили-

алов зарубежных университетов, рост числа частных вузов, увеличение числа бюджетных и контрактных мест в вузах), которые повысили доступность высшего образования, что отчасти снизило спрос на зарубежное высшее образование. Тем не менее, несмотря на невозможность очного взаимодействия с абитуриентами во время пандемии и возросшую конкуренцию с российскими и зарубежными университетами, студенческий поток из Узбекистана в САФУ в 2020–2021 году достиг наивысших значений (175 человек). На данном этапе начинает складываться сильный самоподдерживающийся студенческий поток, который развивался и оставался устойчивым даже в меняющемся образовательном ландшафте.

Вероятно, это объясняется усилением миграционных сетей, что подтверждается данными анкетирования и интервью: если для абитуриентов 2013–2017 годов государственные акторы миграционной индустрии были ведущим источником информации о вузе (64%), то поступившие в 2018–2020 годы ориентировались в большей степени на информацию от друзей, обучавшихся в САФУ (54%). В целом повысилась доля ответов, связанных с миграционной сетью — с 52% в 2018 году до 74% в 2021 году, в то время как значение источников информации, связанных с миграционной индустрией, упало с 80% до 62% (таблица 1). В ходе интервью респонденты отмечали роль родственников в принятии решения о поступлении в вуз: *«Мой брат дал мне информацию, что приезжают люди из Архангельска... Я получил информацию от брата, что лучше поступить сюда и учиться здесь»*. Знакомые из сферы образования, которые пользуются авторитетом и доверием, также играют важную роль при выборе университета: *«Я узнала, что у N сын здесь учился, и мне удалось с ним пообщаться, когда он приехал в Ташкент, он мне много чего рассказал про Архангельск. Спасибо ему большое, я уже такая была подкованная... В САФУ до этого из родственников никто не учился, но с сыном N я поговорила и решилась!»*. Значимую роль в информировании абитуриентов сыграли учителя: *«Преподавательница физики в академическом лицее, где я обучался. После того, как мы успешно поступили, мы каждый год приезжали и рассказывали... Порядка 40–50 человек именно из ее группы потом поступило в САФУ, среди них мой племянник, его однокурсник... и дальнейшее поколение тоже поступало»*.

Респондентами подчеркивали значение наличия родных и знакомых в месте обучения: *«Не буду одна, так как здесь учатся мои друзья»; «Здесь проживают мои родственники»*. Интервью эксперта подтверждает, что большинство абитуриентов предпочитают получать высшее образование в городе, где живут родственники или знакомые: *«Брат работает или учится — это знакомый город... Поэтому стараются ехать в те города, где у них уже живут родственники, знакомые... Неизвестные города — это уже другая категория людей, которая ищет приключений. Или прагматики, но их мало»*. У ряда студентов с Севером России были связаны эпизоды истории семьи,

например служба родственников в рядах Советской Армии: *«Папа больше хотел, чтобы я приехал в Архангельск. Он сказал, что выбор, конечно, за мной, но больше хотел бы, чтобы я поехал сюда. Он сам служил недалеко отсюда. Он моряк. Поэтому и я приехал сюда»*. Такой даже существенно удаленный по времени социальный опыт позволил сформировать в семье мнение о регионе и его жителях, которое стало основой для принятия решения об учебе в Архангельске: *«Что-то позитивное должно абитуриента связывать с этой территорией, по рассказам кого-либо... Будут ехать туда, где хотя бы на словесном уровне что-то слышали»*.

Появление региональных студенческих субпотокотков подтверждает формирование самоподдерживающейся миграции за счет миграционных сетей, и в нашем случае это два выраженные субпотокотка в САФУ из Наманганской и Ташкентской областей Узбекистана (рисунок 8) — с 2020 года от 40 до 60 студентов ежегодно.

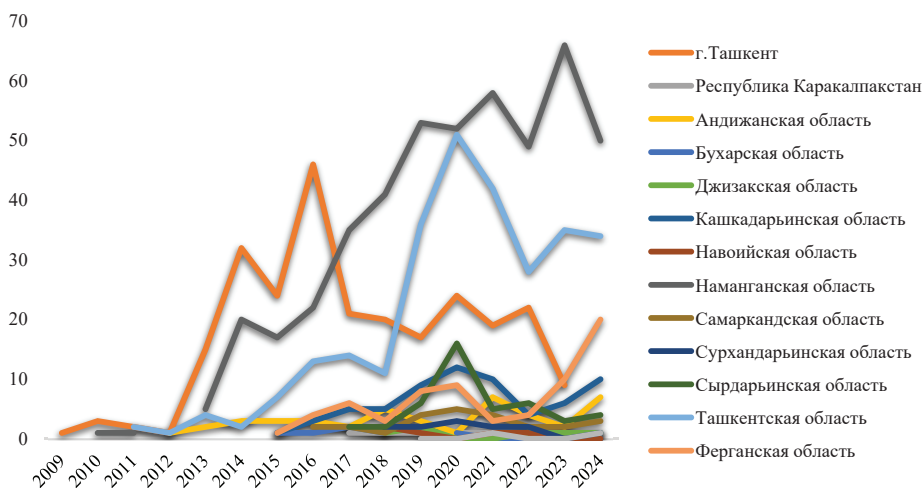

Рис. 8. Динамика приема студентов из Узбекистана в САФУ (2010–2024, региональный срез)

Субпотокотки складывались быстрее в удаленных от Ташкента регионах с ограниченным доступом к информации: *«В Ташкенте рассматривают все через Интернет. В Росотрудничество, к примеру, можно самим приехать посмотреть. А в регионах — через знакомых, соседей»*. Информантка, приведя пример города Ташкентской области в ста километрах от столицы, следующим образом объяснила формирование студенческой «цепной миграции»: *«В 2017 году, когда студенты из города N с нами приехали, было трое человек, потом все больше и больше... Ребята рассказали, что второй курс помогал поступать другим ребятам: они информацию давали, как подать заявку и т.д. То есть все пошло по личным связям. Этот студент позвал своего друга близкого, а этот друг позвал своего родственника, а родственник*

позвал друга. Эта информация пошла “через-через-через” — цепь получается». Данное наблюдение нашло подтверждение в итогах приемных кампаний из данного города: в 2017 году — 3 человека, 2018–9, 2019–18, 2021–32. Согласно Х. де Хаасу, в развитии субпотокков большую роль играют успешно интегрированные в принимающем сообществе мигранты, сохранившие сильные традиционные связи в регионе исхода, — они становятся фасилитаторами миграции. Мы находим этому подтверждение в региональном субпотокке из Ташкентской области, где студенты, выступившие инициаторами последующих актов академической миграции, были успешными в учебе и спортивной жизни как в родном регионе, так и в принимающем университете.

Студенты-«пионеры», достигнув значительных академических успехов, став активными участниками учебных, социокультурных и спортивных мероприятий, становились лидерами мнений для абитуриентов: *«После того, как мы успешно поступили, каждый год приезжали и рассказывали. Я тоже рассказывал, мои ребята спрашивали... Я сам по себе открытый человек и прямой... делился всем. Ко мне летом, когда я на каникулы ездил домой, каждую неделю два-три человека приходило из ближних районов... Мое поступление, мое обучение, если можно так сказать, успешное завершение стало каким-то толчком для родных, родственников и знакомых»*. Более того, став неформальным лидером, информант оказывал содействие в адаптации вновь прибывшим студентам, помогая им в решении возникающих учебных вопросов и жизненных сложностей, взаимодействуя с администрацией вуза: *«Когда новые студенты приехали в САФУ, мы хотя бы узким кругом, но собирались... Мы, конечно, давали самые первые советы, чтобы адаптационный период был легче. Я понимал, что, когда я приехал, мне было трудно, и старался, чтобы другие не мучились, чтобы быстрее вникали, потому что если у вас адаптация плохо проходит... какая учеба?»*. Тесное взаимодействие внутри студенческого сообщества, взаимопомощь во время жизни в Архангельске, сохранение связей в отправляющем и принимающем сообществах даже после окончания вуза позволяют говорить об успешности региональной миграционной сети: *«эти студенты — как мои родные братья до сих пор, их очень много, постоянно мы с ними на связи. Один звонок — и человек приезжает. Мы очень близкими стали: постоянно созваниваемся, на свадьбы собираемся»*.

Четвертый этап (2022–2024) характеризуется частичной стабилизацией и реструктуризацией вследствие изменений макроуровневых факторов и корректировки подходов университета к экспорту образования. В 2022 году прием студентов из Узбекистана в САФУ снизился с 153 до 123 человек, с последующей стабилизацией потока на уровне 132 человек в 2023 году и 135 — в 2024. Изменения в динамике приема произошли, несмотря на восстановление механизмов миграционной индустрии, нарушенных пандемией: в 2022 году сотрудники университета посетили Узбекистан единожды,

в 2023–2024 годы — трижды. Сокращение потока студенческой миграции из Узбекистана соответствует общероссийскому тренду, который, вероятно, связан с напряженной геополитической ситуацией в условиях международного кризиса, а также с политикой властей Узбекистана по диверсификации международного сотрудничества в сфере образования [20]. Развитие сети представительств и филиалов зарубежных университетов в Узбекистане, рост числа частных вузов, увеличение числа бюджетных и контрактных мест в узбекистанских университетах повысили доступность высшего образования в республике, что, по всей видимости, привело к частичному снижению спроса на получение высшего образования за рубежом. Были зафиксированы случаи переориентации абитуриентов Узбекистана на национальные вузы, филиалы российских и зарубежных вузов в республике, выбор альтернативных зарубежных вариантов, преимущественно под влиянием родителей и старших родственников. Мы полагаем, что системная организация выездов представителей университета для участия в комплексных профориентационных мероприятиях, усиление межвузовского сотрудничества, в том числе в части реализации совместных образовательных программ и программ с применением дистанционных образовательных технологий, а также поддержка социальных сетей студентов-узбекистанцев позволила стабилизировать студенческий поток из Узбекистана в САФУ в условиях неблагоприятных макрофакторов.

Анализ динамики миграционного потока позволяет сделать выводы о соотношении двух ключевых движущих сил миграции на мезоуровне: миграционной индустрии и миграционных сетей. Если первый институт играл ключевую роль в обеспечении роста объема потока с 2013 по 2017 годы, то на примере региональных субпотокотков из Наманганской и Ташкентской областей мы видим подтверждение действия миграционных сетей, которые обеспечивали устойчивость потока в 2020–2021 годы, несмотря на нарушение функционирования сложившихся механизмов миграционной индустрии. Мы находим подтверждение концепции де Хааса, согласно которой миграционный поток становится устойчивым, опираясь на механизмы сетевой миграции, при условии успешной адаптации первых мигрантов, сохранивших связи с отправляющим сообществом. В нашем случае студенты из числа «первопроходцев», успешно пройдя адаптационные процессы и завоевав авторитет внутри университетского сообщества и среди земляков, через два-три года стали своеобразными «магнитами» для новых студентов из Узбекистана. При этом важно отметить, что не все студенты-выходцы из отправляющего сообщества стали агентами образовательной миграции в своих социальных сетях, а только те, кто смог успешно адаптироваться, преуспеть в образовательной деятельности и накопить социальный капитал в новом месте пребывания.

Вместе с тем, уточняя концепцию де Хааса применительно к студенческой миграции, можно предположить, что комплексная деятельность университета по включению вуза в работу миграционной индустрии через выстраивание взаимодействия с ее ключевыми акторами, выверенная коммуникация с абитуриентами и их семьями в отправляющем сообществе, содействие адаптации студентов в университете и принимающем сообществе — необходимые предпосылки для развития регионального студенческого миграционного потока на этапе его формирования. Только при этом условии возможно появление студентов-фасилитаторов последующей академической миграции и развитие механизмов сетевой миграции.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Программы развития Северного (Арктического) федерального университета на 2021–2035 годы, договор Д-385.2024.

Примечания

- (1) Указ Президента РФ от 07.05.2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/57425>.
- (2) Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>.
- (3) Указ Президента РФ от 31.12.2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669.
- (4) Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 года № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48280/page/1>.
- (5) Инициатива социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года «Россия — привлекательная для учебы и работы страна» // URL: <http://static.government.ru/media/files/jwsYsyJKWGQQAaCSMGrd7q82RQ5xECo3.pdf>.
- (6) «Ведомости» назвали число иностранцев в российских вузах. 27.05.2024 // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6654135c9a794748214e3e6f>.
- (7) Согласно данным Института ЮНЕСКО по статистике, число граждан Туркменистана, ежегодно выезжающих для получения высшего образования за рубеж с 2010 по 2020 годы, увеличилось в 3,84 раза, достигнув 63584 человек, Таджикистана — в 3,28 раза (27624), Узбекистана — в 2,17 раза (52952) // URL: <http://data.uis.unesco.org/#>.
- (8) Outbound Internationally Mobile Students by Host Region // URL: <http://data.uis.unesco.org/#>.
- (9) Global Flow of Tertiary-Level Students // URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.

Библиографический список

1. *Арефьев А.Л., Арефьев П.А.* Показатели экспорта российских образовательных услуг // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. М., 2017.
2. *Арефьев А.Л.* Состояние и перспективы экспорта российского образования М., 2010.
3. *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Иностранцы студенты в российских вузах. М., 2014.
4. *Беляков С.А., Краснова Г.А.* Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в России и в мире // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6.
5. Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий // URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf.

6. *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Оморова Н.И.* Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии. Казань, 2014.
7. *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Кораблева Н.И.* Студенты из государств Центральной Азии в Татарстане: мотивация, адаптация, жизненные планы // Социологические исследования. 2017. № 3.
8. *Дементьева С.В.* Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов (в контексте социологического и философского анализа) // Известия ТПУ. 2008. № 6.
9. *Зангиева И.К., Сулейманова А.Н.* Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5.
10. *Касымова С.Р.* Учебная миграция молодежи Таджикистана: проблемы и перспективы // URL: https://www.academia.edu/36900193/УЧЕБНАЯ_МИГРАЦИЯ_МОЛОДЕЖИ_ТАДЖИКИСТАНА_ПРОБЛЕМЫ_И_ПЕРСПЕКТИВЫ Исследовательский отчет.
11. *Ключарев Г.А., Мукомель В.И.* Миграционная политика в контексте образования // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г.А. Ключарев. М., 2008.
12. *Кошелева Е.Ю., Самофалова Е.И.* Социологический портрет образовательного мигранта из стран дальнего зарубежья на примере Томского политехнического университета // Портрет образовательного мигранта: основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации / Науч. ред. Е.Ю. Кошелева. Томск, 2011.
13. *Краснова Г.А.* Основные направления развития экспорта образовательных услуг в системах высшего образования. М., 2008.
14. Материалы анализа состояния и перспектив развития рынка образовательных услуг в Узбекистане, Молдове, Украине, включая предложения по системе действий Российской Федерации в этом регионе: Материалы методического семинара для учреждений системы высшего профессионального образования по вопросам создания и функционирования зарубежных филиалов российских образовательных учреждений в странах СНГ / Сост. Г.А. Краснова, Н.В. Сьюлькова, Н.А. Вострикова, Е.В. Мищенко. М., 2008.
15. *Меликян А.В.* Внутренние факторы экспортной деятельности российских вузов: Дисс. к.н. НИУ ВШЭ об образовании. М., 2019.
16. *Нефедова А.И.* Экспорт российского высшего образования: особенности формирования и структурирования спроса: Дисс. к.с.н. М., 2017.
17. Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования. М., 2020.
18. *Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ващенко А.В.* Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 2.
19. *Сафонова М.А.* Социальная организация образовательных миграций: на примере студенческого потока из Казахстана в Россию: Дисс. к.с.н. М., 2011.
20. *Троицкий Е., Юн С., Погорельская А.* Интернационализация высшего образования в Центральной Азии и роль России // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-rossii>.
21. *Тюрюканова Е.В., Леденева Л.И.* Проблемы адаптации мигрантов к Российской системе образования // Социологические исследования. 2005. № 4.
22. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России. М., 2012.
23. Экспорт российских образовательных услуг: Стат. сб. Вып. 10. М., 2020.
24. *Vaas M.* The education-migration industry: International students, migration policy and the question of skills // *International Migration*. 2019. Vol. 57. No. 3.
25. *Beech S.E.* Adapting to change in the higher education system: International student mobility as a migration industry // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44. No. 4.

26. *De Haas H.* The internal dynamics of migration processes: A theoretical inquiry // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. No. 10.
27. *Hernández-León R.* Conceptualizing the migration industry // *The Migration Industry and the Commercialization of International Migration* / Ed. by Th. Gammeltoft-Hansen, N. Nyberg Sørensen. Routledge, 2013.
28. *Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E.* Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-46-63

EDN: GBLBSE

Features of the international student migration from the Republic of Uzbekistan to the Russian Federation (on the example of the Northern (Arctic) Federal University, 2009–2024)*

P.S. Golomidova

Northern (Arctic) Federal University,
Nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

(e-mail: p.s.golomidova@yandex.ru)

Abstract. The article considers the features of formation and development of regional migration flows on the example of the international student migration from Uzbekistan to the Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (NArFU, Arkhangelsk) in 2009–2024. The author focuses on the transition from the flow initiation phase to the stage when the student flow becomes self-sustaining and on the role of migration networks and migration industry in this flow formation and development. The article is based on the statistical data (admission of international students in the NArFU), a survey and semi-formalized interviews with NArFU students from Uzbekistan, expert interviews with representatives of the migration industry, and the author's participant observation within her professional activity. Four stages of the regional student migration development were identified, which are heterogeneous in features and social organization. The migration industry played a key role in ensuring the growth of the migration flow from 2013 to 2017, while in 2020–2021, the stability of the flow was largely ensured by migration networks, which is confirmed by its stability under negative macro-factors (pandemic) and by the development of regional sub-flows from Namangan and Tashkent Regions. The development of migration networks and admission of new students from Uzbekistan was also strongly supported by students who successfully had adapted to the new learning and cultural environment, accumulated social capital in the host community and at the same time maintained social ties in the sending community. The author applied Hein de Haas's concept of the internal dynamics of migration flows to prove that the comprehensive activities of the university to integrate into the migration industry, including support measures for international students within the university, is a prerequisite for the successful adaptation of academic migrants, which contributes to the further development of network migration.

*© P.S. Golomidova, 2025

The article was submitted on 10.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

Key words: export of higher education; international student recruitment; international student mobility/migration (ISM); higher education; internationalization; Uzbekistan

For citation: Golomidova P.S. Features of the international student migration from the Republic of Uzbekistan to the Russian Federation (on the example of the Northern (Arctic) Federal University, 2009–2024). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 46–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-46-63>

References

1. Arefyev A.L., Arefyev P.A. Pokazateli eksporta rossiyskikh obrazovatelnyh uslug [Indicators of the Russian education export]. *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potentsial razvitiya*. Moscow; 2017. (In Russ.).
2. Arefyev A.L. *Sostoyanie i perspektivy eksporta rossiyskogo obrazovaniya* [State and Prospects for the Russian Education Export]. Moscow; 2010. (In Russ.).
3. Arefyev A.L., Sheregi F.E. *Inostrannye studenty v rossiyskikh vuzah* [International Students in Russian Universities]. Moscow; 2014. (In Russ.).
4. Belyakov S.A., Krasnova G.A. Eksport vysshego obrazovaniya: sostoyanie i perspektivy v Rossii i v mire [Export of the higher education: State and prospects in Russia and the world]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2016; 6. (In Russ.).
5. *Vneshnyaya molodezhnaya migratsiya v stranah Tsentralnoy Azii: analiz riskov i minimizatsiya negativnyh posledstviy* [External Youth Migration in the Countries of Central Asia: Risk Analysis and Minimization of Negative Consequences]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf. (In Russ.).
6. Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A., Omorova N.I. *Uchebnaya migratsiya v Respublike Tatarstan: adaptatsiya i integratsiya studentov iz gosudarstv Tsentralnoy Azii* [Educational Migration in the Republic of Tatarstan: Adaptation and Integration of Students from Central Asia]. Kazan; 2014. (In Russ.).
7. Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A., Korableva N.I. Studenty iz gosudarstv Tsentralnoy Azii v Tatarstane: motivatsiya, adaptatsiya, zhiznennye plany [Students from Central Asia in Tatarstan: motivation, adaptation, life plans]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 3. (In Russ.).
8. Demytyeva S.V. Vuzy Rossii kak mekhanizm adaptatsii uchebnyh migrantov (v kontekste sotsiologicheskogo i filosofskogo analiza) [Russian universities as an adaptation mechanism for educational migrants (sociological and philosophical analysis)]. *Izvestiya TPU*. 2008; 6. (In Russ.).
9. Zangieva I.K., Suleymanova A.N. Studenty iz stran SNG v Rossii: predposylki k migratsii [Students from the CIS in Russia: Prerequisites for migration]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2016; 5. (In Russ.).
10. Kasymova S.R. *Uchebnaya migratsiya molodezhi Tadzhikistana: problemy i perspektivy* [Educational Migration of the Youth from Tajikistan: Challenges and Prospects]. URL: https://www.academia.edu/36900193/UCHEBNAYA_MIGRATSIYA_MOLODEZHI_TADZHIKISTANA_PROBLEMY_I_PERSPEKTIVY_Issledovatel'skiy_otchet. (In Russ.).
11. Klyucharev G.A., Mukomel V.I. Migratsionnaya politika v kontekste obrazovaniya [Migration policy in the context of education]. *Nepreryvnoe obrazovanie v politicheskom i ekonomicheskom kontekstah*. Otv. red. G.A. Klyucharev. Moscow; 2008. (In Russ.).
12. Kosheleva E.Yu., Samofalova E.I. Sotsiologichesky portret obrazovatel'nogo migranta iz stran dalnego zarubezhiya na primere Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Sociological portrait of the academic migrant from non-CIS countries on the example of the Tomsk Polytechnic University]. *Portret obrazovatel'nogo migranta: osnovnye aspekty akademicheskoy, yazykovoy i sotsiokulturnoy adaptatsii*. Nauch. red. E.Yu. Kosheleva. Tomsk; 2011. (In Russ.).

13. Krasnova G.A. *Osnovnye napravleniya razvitiya eksporta obrazovatelnykh uslug v sistemah vysshego obrazovaniya* [Main Directions for Developing the Export of Educational Programs in the Systems of Higher Education]. Moscow; 2008. (In Russ.).
14. Krasnova G.A., Syulkova N.V., Vostrikova N.A., Mishchenko E.V. (Eds.). *Materialy analiza sostoyaniya i perspektiv razvitiya rynka obrazovatelnykh uslug v Uzbekistane, Moldove, Ukraine, vklyuchaya predlozheniya po sistemnym deystviyam Rossiyskoy Federatsii v etih stranah: Materialy metodicheskogo seminar dlya uchrezhdeniy sistemy vysshego professionalnogo obrazovaniya po voprosam sozdaniya i razvitiya zarubezhnykh filialov rossiyskikh obrazovatelnykh uchrezhdeniy v stranah SNG* [Materials of the Analysis of the State and Prospects for Developing the Educational Market in Uzbekistan, Moldova, Ukraine, Including Proposals for Russia's Systemic Actions in These Countries: Materials of the Methodological Seminar on the Development of Foreign Branches of Russian Universities in the CIS]. Moscow; 2008. (In Russ.).
15. Melikyan A.V. *Vnutrennie faktory eksportnoy deyatel'nosti rossiyskikh vuzov* [Internal Factors of the Export Activity of Russian Universities]. Moscow; 2019. (In Russ.).
16. Nefedova A.I. *Eksport rossiyskogo vysshego obrazovaniya: osobennosti formirovaniya i strukturirovaniya sprosa* [Export of the Russian Higher Education: Features of the Demand Formation and Structuring]. Moscow; 2017. (In Russ.).
17. *Obuchenie inostrannykh grazhdan v rossiyskikh uchrezhdeniyakh vysshego obrazovaniya* [Studies of Foreign Citizens in Russian Universities]. Moscow; 2020 (In Russ.).
18. Petrov V.N., Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V., Vashchenko A.V. *Osobennosti adaptatsii inostrannykh studentov* [Features of the international student adaptation]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2009; 2. (In Russ.).
19. Safonova M.A. *Sotsialnaya organizatsiya obrazovatelnykh migratsiy: na primere studencheskogo potoka iz Kazakhstana v Rossiyu* [Social Organization of Educational Migrations: On the Example of the Student Flow from Kazakhstan to Russia]. Moscow; 2011. (In Russ.).
20. Troitsky E., Yun S., Pogorelskaya A. *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya v Tsentralnoy Azii i rol Rossii* [Internationalization of the Higher Education in Central Asia and the Role of Russia]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-rossii>. (In Russ.).
21. Tyuryukanova E.V., Ledeneva L.I. *Problemy adaptatsii migrantov k Rossiyskoy sisteme obrazovaniya* [Issues of the migrant adaptation to the Russian education system]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2005; 4. (In Russ.).
22. *Uchebnaya migratsiya iz stran SNG i Baltii: potentsial i perspektivy dlya Rossii* [Educational Migration from the CIS and Baltic Countries: Potential and Prospects for Russia]. Moscow; 2012. (In Russ.).
23. *Eksport rossiyskikh obrazovatelnykh uslug: Stat. sb. Vyp. 10.* [Export of the Russian Education: Statistical Collection. Issue 10]. Moscow; 2020. (In Russ.).
24. Baas M. The education-migration industry: International students, migration policy and the question of skills. *International Migration*. 2019; 57 (3).
25. Beech S.E. Adapting to change in the higher education system: International student mobility as a migration industry. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018; 44 (4).
26. De Haas H. The internal dynamics of migration processes: A theoretical inquiry. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010; 36 (10).
27. Hernández-León R. Conceptualizing the migration industry. Gammeltoft-Hansen Th., Nyberg Sørensen N. (Eds.). *The Migration Industry and the Commercialization of International Migration*. Routledge; 2013.
28. Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*. 1993; 19 (3).